

Татьяна Каппа

Поездка домой.

Компромат

Истории Антонины Найденовой

18+

Татьяна Каппа
Истории Антонины
Найденовой. 3. Поездка домой

<https://litres.ru/74490832>

SelfPub; 2026

Аннотация

После неудачи с театром в Москве Антонина едет домой. Она еще не знает, чем будет заниматься дома. И когда ее подруга просит ее о помощи, она соглашается помочь. Дело подруги оказалось опасным и непростым.

Содержание

Эпиграф	4
Пролог	5
Бывшие...	10
Дело журналистки Милы	19
Пельмени от «важняка»	24
Генеральный...	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Татьяна Каппа

Истории Антонины

Найденовой. 3.

Поездка домой

Эпиграф

Уехав, ты выбрал пространство,
Но время не хуже его.
Действительны оба лекарства:
Не вспомнить теперь ничего.
Наверное, мог бы остаться —
И был бы один результат.
Какие-то степи дымятся,
Какие-то тени летят.
Потом ты опомнишься: где ты?
Неважно. Допустим, Джанкой.
Вот видишь: две разные Леты,
А пить все равно из какой.

А. Кушнер

Пролог

Дверь с грохотом отъехала в сторону, и в купе появилась пожилая супружеская пара. Можно сказать – ворвалась... Торопливо поставив сумки на сиденье, они бросились к окну, замахали руками. Их увидели, подбежали, и молодой мужчина поднял вверх маленького мальчика. Мальчик хлопал по стеклу ладошкой, а потом с интересом разглядывал ее. Женщина в купе, всхлипывая, прижимала руку с обратной стороны стекла и шептала: «До свиданья, до свиданья! Будьте здоровеньки!» Мужчина, непрерывно кивая, теснился рядом.

Тоня вышла, чтобы не мешать им. Встала у окна.

Есть кому провожать. Есть с кем прощаться... А она, как приехала в Москву одна, так и уезжает одна и без провожаемых. Как будто не было никого рядом в эти годы. Как будто не было ничего...

– Не стоим в проходе... Сейчас отправляемся, – прошел мужчина в форме. Она посторонилась, успев разглядеть на тулье его фуражки блестящую эмблему: колесо с крыльями. Прямо Гермес...

Поезд дернулся. Поехали.

Она повернулась к окну. Мимо проплывали перроны и поезда... Мелькнуло здание Казанского вокзала... Потом –

краснокирпичные депо...

В купе женщина громко всхлипывала, мужской голос успокаивал ее.

Вскоре они завозились, раскладывая вещи, поднимая сиденье, убирая багаж... Тоня заходить не спешила. Знакомиться, разговаривать с ними не хотелось.

Не только с ними. Ни с кем...

С сердитым лицом одиноко стояла она у окна.

В купе со стуком опустили сиденье. Со скрежетом отодвинулась дверь.

Вышел мужчина. Он уже переоделся в дорожную одежду: спортивные штаны, клетчатую рубашку. Вышел, разминая папиросу, как, наверное, выходил дома покурить на площадку.

– Ну что стоим? Заходим... – сказал и пошел в тамбур. Женщина в халате раскладывала на столе съестное. Услышав голос мужа, оглянулась, приветливо махнула рукой:

– Заходи! Не стесняйся!

– Спасибо, – Тоня невольно улыбнулась в ответ и вошла, задвинув за собой дверь.

Поезд приехал в город утром.

Пройдя через здание вокзала, Тоня завернула к привокзальному рынку. Купить себе еды. На подходе к нему по обе-

им сторонам дороги стояли женщины пенсионного возраста, или попросту старушки, с немудрящим товаром: вывязанными крючком салфеточками, старыми термосами, стеклянными вазочками, ношеной, но чищенной обувью...

Полицейский прогонял их.

– Зако-о-н есть зако-он! – без сочувствия к ним, а с удовольствием от выполняемого служебного долга гундосил представитель закона и власти.

– Ес-сли он пло-ох, бор-ритесь за его усовер-ршенствование!

И старушки убирали свой товар в сумки и уходили, должно быть, бороться... Скромно одетые, они были похожи. Бедная старость не знает национальности. Несхожесть была в выражении их лиц: у русских старушек появилось выражение заискивания «бедных родственников» перед «хозяевами».

Тоне казалось, что такое выражение на лицах – это рудимент давнего прошлого, который должен был уже отмереть. Не отмирал. Жизнь не давала.

– Тоня! – сзади раздался женский голос. Она оглянулась. Мила Кудрявцева... Успешная, талантливая журналистка.

Она стояла перед Тоней в старом пальто, с потертой сумочкой под мышкой. Без косметики, без пышной прически.

– Мила... – Тоня постаралась скрыть свое удивление. Они обнялись. Заговорили разом, сумбурно...

– Из Москвы?.. Надолго?.. Хочу в Москву!

– Там сейчас плохо! Убивают, торгуют, предают... У меня вот...

– Так ты насовсем?.. Чем займешься?

– Не знаю... Только приехала... А ты что делаешь?

– А я вон... – Мила махнула рукой в сторону рынка. – Взял по блату один джигит... Ахмед, – нервно засмеялась она, непривычно прикрывая рот рукой. – Никто больше не помог... А я им помогала...

Тоня согласно кивнула.

– Хорошо, что ты приехала, – неожиданно сказала Мила. – Ты мне поможешь.

– Конечно, – опять кивнула она.

– Дело у меня есть. Если сладится – деньги будут... Они мне, – она провела рукой по горлу, – вот как нужны!

Это тоже был непривычный для нее жест.

Громыхая, из-за поворота показался трамвай. Мила за-спешила.

– Я зайду к тебе... На днях... – быстро обняла Тоню и побежала на остановку.

Тоня смотрела ей вслед: стоптанные каблуки, тесное пальто...

Кем ее взял на работу этот Ахмед? Секретаршей? Не похоже...

Она помахала рукой силуэту Милы в трамвайном окне и пошла на рынок.

В торговых рядах за прилавками стояли женщины пред-

пенсионного возраста, интеллигентного учительского вида в фартуках поверх теплых курток и неумело торговали. Наверное, товаром этого Ахмеда. А вот, кажется, и он сам прошел по рядам, зорко и начальственно что-то высматривая... Нет, слишком мелко для него следить за торговцами. Ахмед – это, скорее всего, вот тот... Тоня взглянула вверх и увидела в окне второго этажа административного здания крупный мужской силуэт. Уперся в стекло лбом, проверяет рынок, тяжело дышит – стекло запотело...

За воротами рынка полицейских уже не было, и торговля продолжилась. Тоня шла мимо старушек, разглядывая их товар, снова разложенный на газетах, постеленных на асфальт.

Одна держала на руках рыжего котенка, обернутого шерстяным шарфом в желто-коричневую клетку. Из-за облаков вдруг выглянуло солнце и осветило его мордочку. Под солнечными лучами кошачьи зеленые глаза вдруг стали прозрачными. Тоня остановилась, любуясь...

– Возьмите! Недорого...

– А как его зовут?

– Не знаю.

– Это – котик?

– Девочка.

– Я назову ее Маруськой!

Бывшие...

Вечером раздался телефонный звонок. Звонил знакомый журналист Копытин-Рогинский.

– Увидел тебя на улице. Давно приехала? Сейчас зайду. Я рядом. Буду не один.

Тоня не успела спросить, сколько их будет. «Угощать нечем, – заглянула в холодильник, – не яичницей же!»

Кого приведет? Опять молодую журналистку? Вряд ли. Он уже давно не работает в редакции. Торгует? Вроде у него торговлей пылесосами не очень получилось. Скорее, посредничает. Связи-то у него колоссальные!

Так, рассуждая, Тоня нашла пачку кофе, поставила чайник.

Жизнерадостный и красивый Копытин появился скоро. С ним был незнакомый Тоне мужчина. Копытин обнял Тоню. Мужчина представился:

– Игорь, – и ручку ей поцеловал.

– Бывший следователь по особо важным делам, – сказал Копытин и, значительно подняв бровь, добавил: – Важняк.

– Важняк – в прошлом.

– А в настоящем?

– В настоящем – ресторатор. Приглашаю вас ко мне в ресторанцию...

Он назвал адрес.

– Это рядом с Домом офицеров?

– С бывшим... – махнул рукой Копытин, усаживаясь за стол. – Теперь там Центр русской культуры. Новый хозяин. Мой приятель.

– А работники старые остались?

– Не знаю. Сходи, проведай. Ты же там работала...

– А в вашей ресторации, – обратилась Тоня к ресторатору, – раньше, кажется, был Дом творчества?

– Да, кружки разные... Были...

– Кофе? – по-светски предложила Тоня.

– У нас коньяк, – Копытин достал из портфеля бутылку с золотистым напитком. Поставил на стол. «Aramis» VS – увидела Тоня этикетку и с иронией посмотрела на Копытина: такую бутылку покупали в ближнем магазине ханурики. Копытин не отреагировал на ее взгляд, спокойно свинтил крышку...

Она достала рюмки. Копытин разлил...

– За встречу!

Тоня поднесла рюмку к носу, почувствовала резковатый запах недорогого алкоголя.

Она пригубила: вкус был сладкий, захотелось его заесть. Она достала из холодильника колбасу, порезала... Мужчины тоже закусили, и Копытин налил еще. Выпили, пошли разговоры...

Оказалось, что бывший журналист в настоящем – ростов-

щик. Дает деньги в долг под проценты. Вот и бывшему важняку—ресторатору дал... И важняку не нравятся «жидовские» проценты.

— Ну ладно чужим... Но мне-то... — допил он очередную рюмку бренди, отдающего виноградным жмыхом. Поморщился: — Шмурдяк.

— Это — аморально, — поддержала его Тоня.

— Что?

— Давать друзьям под проценты и поить шмурдяком.

— Что такое ссуда? — поднял палец уже нетрезвый Копытин. — Ссуда — это сдача денег в аренду другому человеку в обмен на арендную плату, которая называется проценты! Когда сдают в аренду дом, ведь требует за это арендную плату. Это точно так же! — объяснил он, разлил по рюмкам и закончил свою отповедь: — От коньяка «Камю» этот шмурдяк, как ты говоришь, отличается только формой бутылки! Будем здоровы!

Тоня пить не стала, а продолжила свои нападки, хотя понимала, что ими Копытина не проймешь. Ей было интересно...

— А если к тебе приедет в гости твой друг и остановится у тебя, ты же не будешь брать с него деньги за то, что он жил у тебя и занимал место? Так и деньги в долг друзьям, наверное, следует давать без процентов!

— Денег с друга за проживание не возьму, но буду знать, что смогу у него остановиться, когда понадобится!

– Бартер с другом?

– Деньги делают нравственным любой поступок! – цинично и весело сказал Копытин и опрокинул содержимое рюмки в рот.

«Прости ему, Боже!» – глядя на него, покачала головой Тоня.

Важняк усмехнулся. Похоже, такого Копытина он не знал. Он опять что-то спросил про проценты...

Тоня уже не слушала, ждала, когда они уйдут. Кофе решила не предлагать.

Наконец, они засобирались, но Копытин неожиданно намекнул, что может остаться.

– В компании пришел – в компании и уйдешь! – помог ей важняк выпроводить его. Они ушли. Тоня с облегчением закрыла за ними дверь.

Пришла из комнаты Маруська. Она налила ей молока. Убрала со стола пустую бутылку, рюмки. Умылась и легла спать.

Первый день ее приезда в город закончился.

В холле Центра русской культуры кучковались пацаны в кожанках. Один, самый мелкий, скакал в боксерской стойке.

Попробовал бы он так поскакать при дежурной Клеопатре!

Тоня огляделась.

В домах, откуда ушли хозяева, должен гулять сквозняк, должны скрипеть двери и хлопать рамы с выбитыми стеклами. Стекла были на месте, но в Доме сквозило, было холодно и неудобно.

В тусклом дневном свете вестибюля появлялись и исчезали темные мужские фигуры в верхней одежде, с сумками на плечах. Они проходили мимо Тони, не обращая на нее внимание, и куда-то исчезали...

Она поднялась на второй этаж, пошла в библиотеку.

Навстречу тяжело шла Эмма Павловна с книгами. Кружевной воротничок ее сбился и броши камеи под ним не было видно.

Тоня улыбнулась, поздоровалась. Кажется, она ее не узнала. Тогда Тоня сказала:

– Давайте я помогу.

Эмма Павловна с облегчением свалила ей книги на руки.

– Куда нести?

– В библиотеку. Она рядом с туалетом.

– В мастерской художников?

– Да... – присмотрелась она к Тоне.

– Я когда-то здесь работала...

– Тонечка! – навстречу спешила Нина Петровна. – Здравствуй! Давай... – она забрала книги у Тони. – Библиотека теперь здесь...

– Эмма Павловна сказала. А художники где?

– А художников давно нет. Они, как и мы, не нужны.

– А главный наш Семеныч? Он же – заслуженный деятель и ветеран!

Они остановились у туалета. Тоня успела заметить, что на двери не было никакого знака.

– Он им это говорил. Даже поругался. А они ответили так: «Мы – сами деятели! И сами – ветераны... Афгана!» Теперь он для бизнесменов таблички пишет. Платят аккордно.

– Да-да, – подтвердила Эмма Павловна. – Аккордно! Вы знаете, что это слово означает?

– Знаю.

– А я вот только недавно узнала! – она нервно провела рукой по груди, искала брошь, нашла и, расправив кружевной воротничок, толкнула дверь туалета и скрылась за ней.

– Это ее кабинет, – тихо сказала Ирина Петровна.

– В туалете? – ахнула Тоня.

– Да.

– А туалет?

– Этажом ниже. Посчитали, что на нашем этаже он не нужен, – удрученно покачала головой Нина Петровна. Они вошли в бывшую комнату художников, заставленную стеллажами с книгами. Нина Петровна положила книги на стол.

– Пойдем, я провожу...

– Не закрываете?

– Я же сейчас вернусь. Да и книги нынче не в цене. Хотя здесь ими торгуют один книголюб.

Нина Петровна взяла Тоню под руку, и они пошли к лестнице.

– А где сейчас Афанасий Сергеевич?

– Он вышел не пенсию. Сумел получить здание в центре города, открыл там то ли колледж, то ли университет. Теперь – генеральный директор!

– Был генерал, стал – генеральный!

– Получается так. Зайди, проведай. Это рядом.

– Зайду. А где книгами торгуют?

– Хочешь купить?

– Нет, продать. Деньги нужны. У меня на иждивении Маруська... Кошка.

– А... Да, ее кормить нужно. В цоколе торгует, под лестницей.

Действительно, под лестницей торговали. На низкой скамеечке за столом, заваленном книгами, сидел полный мужчина в куртке и круглых очках и ел банан. Старик в берете и старомодном теплом плаще листал книгу, поднеся ее к самым глазам. Пролистал, положил назад на прилавок.

– Мой заказ остается в силе! – сказал толстяку. Тот кивнул, и старик, подхватив портфель, стоявший у него между ног, пошел к лестнице.

– Книги на продажу принимаете? – подошла к столу Тоня.

Толстяк доел банан, бросил кожуру в картонную коробку, вытер губы платочком.

– Показывайте, что у вас?

– Я только узнать пришла.

– Принимаю. Но сразу книжки не несите! Списочек составьте. Отберу. Я тут каждый день после обеда и до вечера.

– Не боитесь вечером здесь сидеть? – Тоня оглянулась на вывеску «Казино-Бильярд», что сияла разноцветными огнями над дверью бывшего танцевального зала. – Бандиты, наверное, собираются?

– Бандиты, – удрученно покивал он. – Здесь у них «штаб-квартира»! Но ничего, не обижают. А когда стреляют, я под лестницу прячусь! Нет, не трогают. Я плату аккуратно вношу и за «крышу» – тоже. А главный их... скромный такой, тихий. Интеллигентный. Он даже книгу у меня купил!

– Какую?

– Писателя Леонова. «Мент поганый»! – хрюкнул книголюб.

– Действительно, интеллигент.

– Я смотрю, вы – девушка культурная. У вас книг с автографами, случайно, нет? А то есть тут один коллекционер. Вот тот, что сейчас был... Хорошие деньги платит.

– Есть, – вспомнила Тоня. – Только зачем их продавать? Это же как память!

– Ну по-разному бывает. Получил автограф на халяву и продал.

– Нет, таких, чтобы на халяву, у меня нет. А список принесу.

Тоня поднялась в фойе.

Там ее ждала Ирина Петровна. Подошла, опять взволнованно стала говорить:

– Весь Дом занят торгашами... бандитами... А ведь раньше здесь были военные, офицеры, моряки! Что случилось? Почему? Почему они дали так с нами поступить?

– Ирина Петровна, я не знаю, – растерялась Тоня.

– Это ужасно! – продолжала она уже с отчаянием. – Мне до пенсии оставалось совсем немного. А теперь, говорят, все законы изменяют! Я бы ушла. Но куда? Я бы уехала в Питер. Меня там ждут. Ждет один человек! Но я не могу!

– Почему?

– Ира-а... – раздался с лестницы слабый голос Эммы Павловны. Она искала Ирину Петровну.

– Вот поэтому! – сокрушенно покачала она головой. – Эмма Павловна! Она, как ребенок! У нее же никого нет...

– Только кошка и кенарь с канарейкой.

– И их уже нет! Я не могу ее оставить! Поэтому никуда я не поеду! – она порывисто обняла Тоню и поспешила на зов.

Тоня посмотрела ей вслед. Что-то трагичное было в ее хрупкой согбенной фигурке, делавшей ее похожей на старуху. «А ведь она еще совсем не старая!»

Тоня взглянула на себя в зеркало, подтянулась, выпрямила спину...

И вышла на улицу.

Дело журналистки Милы

Мила позвонила утром, сказала, что зайдет после работы.

Ожидая ее, Тоня на кухне смотрела телевизор с выключенным звуком. Шел фильм про русскую мафию, продажных ментов и несчастливую жену честного мента. Всё было понятно и без звука.

Маруська сидела на подоконнике и внимательно следила за птичкой на березе за окном. Было по-домашнему уютно и спокойно. Никуда не надо было больше спешить.

Пришла Мила. Усталая, после работы. С большой спортивной сумкой.

Тоня сварила кофе, сделала бутерброды...

– А в Москве что у тебя?

– А, – отмахнулась Тоня. – Вся моя работа пропала. Спектакли, постановки... Лучше бы и не делала ничего... И никуда бы не ездила... Результат был бы тот же...

Она произнесла вслух слова, которые гнала от себя, и тут же подступили слезы.

– Ты не права! – сказала Мила, почувствовав ее состояние. – Пусть безрезультатно, пусть ничего не осталось! Но ведь ты занималась творчеством, была радость от работы! Был успех! Ведь так?

Тоня, шмыгнув носом, молча кивнула.

– Ты хоть вырвалась... пусть на время, из сегодняшней жизни... Пошлой, буржуазной... – продолжала Мила.

– Удержаться бы...

– Это да, – вздохнула она.

Они помолчали.

– А у тебя как?

– У меня хуже: муж сбежал...

– Как?

– Как сбегает? – пожала плечами Мила и допила кофе.

Потом покрутила чашку, вгляделась в гущу...

– В Москву. С другой женщиной. Предал.

– Аркадий... – осуждающе покачала головой Тоня. – Он же такой вдохновенный, творческий...

– Да.

Тоня искала слова, чтобы подбодрить Милу, как это только что сделала она. Нужные слова не находились. И Тоня промолчала.

Мила крутила чашку, разглядывала на стенках рисунок кофейной гущи и, казалось, спокойно рассказывала:

– Сын в его предательстве меня обвиняет. Считает неудачницей. Говорит, что я во всем виновата: и в том, что он нас бросил, и в том, что нет денег, и что я оказалась слабой и неприспособленной к новым жизненным реалиям. Наверное, он прав. Ему сейчас надо поступать в институт. Надо и одеться, и кормиться, и разное другое, чтобы от остальных не отстать... А денег нет.

– Ты же работаешь, – осторожно напомнила Тоня.

– Кем? Уборщицей на рынке? Какие там деньги! А помочь мне с нормальной работой некому. Прошло время, когда я всем помогала. Теперь каждый за себя.

– Чем я могу тебе помочь?

– Дело у меня есть...

Мила отставила чашку и встала из-за стола.

Поставила на стул сумку, вжикнула молнией, раскрыла.

Тоня увидела уложенные боком канцелярские папки разной толщины. Папки из советских времен. Серые, строгие, с тряпичными тесемками. Концы завязанных тесемок торчали вверх.

– Рукописи?

– Кому сейчас нужны рукописи? – отмахнулась Мила, складывая папки на столе одну на другую. – Нет! Эта штука будет посильнее Фауста Гете!

– И что это за штука?

– Компромат.

– На кого?

– Много на кого...

– А откуда он у тебя?

– Достался от одного журналиста. Он вел собственное расследование. Потом испугался за семью. Мне отдал. Делай, говорит, с этим, что хочешь!

– И что ты хочешь делать?

– Хочу продать.

– Кому?

– Тому, на кого этот компромат. Или – конкурентам, их противникам.

– Если твой журналист испугался, значит, это опасно?

– Тоня, ты можешь отказаться!

– Нет. Я не отказываюсь...

– Тогда слушай! – Мила взяла верхнюю папку, раскрыла и стала читать про покупку израильского оружия... взятки политикам... двадцать миллионов крон посреднику...

– Посредник известен... Ты его тоже знаешь. Вот еще...

– Мила открыла следующую папку.

– Торговля металлом. Один из самых богатых здесь людей. Это его фотка...

Тоня увидела золотые часы «Картье» на смуглом волосатом запястье, голова мужчины была наклонена, лица было не разобрать.

– А здесь афера с советскими рублями, – перебрала Мила бумаги в папке потолще. – Их не сдали Москве, а контрабандой отправили в Чечню. Доллары за них получили... И присвоили. Вот здесь сумма и имена тех, кто провернул эту аферу. Знаешь такого?.. Он теперь один из руководителей страны, активист с комсомольским прошлым.

– Как это журналисту удалось добыть?

– Вхож был в разные места. Связи были. Бардак был везде... Вот и нарыл.

– А здесь, – Мила взяла нижнюю папку, – уже мой ком-

промат. Он, хоть и попроще, но тоже кое для кого опасен, если попадет в руки конкурентов. Здесь про руководителей рынка и крышующих их политиков, ментов. Имена, пароли, явки...

– И как им этот компромат предложить? Они же просто убьют и заберут. Вот сегодня по телевизору фильм смотрела...

– Я хочу с кем-то серьезным посоветоваться. Милицейских некоторых я знала. Только сейчас их почти всех уволили. Или сами ушли. Милиция перестраивается в национальную полицию. А кто из них пошел в бандиты, да еще стал авторитетом... – мысленно прикинула она и покачала головой, – не знаю. А ты?

– Откуда? – Тоня перебрала в памяти «серьезных знакомых». – Бандитов точно нет. Был комитетчик Сергей. Давно. Чем сейчас занимается, не знаю. Опер Николаев... Слышала, что сейчас торгует облепиховым маслом.

– Всё?

– погоди, – вдруг вспомнила Тоня. – Копытин меня с важняком познакомил. Правда, бывшим. Сейчас ресторан держит. Телефон оставил, приглашал...

– Бывших важняков не бывает! – обрадовалась Мила. – Звони!

Пельмени от «важняка»

Ресторан находился в старом здании, в глубине сквера.

Как только Тоня с Милой вошли, от вешалки навстречу им поспешил швейцар с военной выправкой. Помог раздеться. Делал он это не услужливо, а как воспитанный кавалер, помогающий своим дамам.

– Мы – к Игорю Николаевичу! – строго сказала Тоня, поправила причёску, глянув в напольное зеркало, и назвала себя.

– Я провожу! – профессионально кивнул он. Тоня заметила, что он быстро и зорко оглядел их, бросив внимательный взгляд на сумки в их руках.

Они прошли по коридору.

– Одну минуту! – швейцар скрылся за дверью.

– Как у них всё серьёзно! – шепнула Тоня. Мила довольно улыбнулась..

– Прошу!

Игорь Николаевич встречал их.

– Познакомьтесь! Моя подруга Мила.

– Знаю-знаю... Известная журналистка.

– В прошлом.

– Бывших журналистов не бывает!

– Так же, как и «важняков»!

– Ха-ха-ха... Так вы ко мне, как к менту? А я – ресторатор!
– Мы к вам, как к умному человеку! За советом!
– Хм... Слушаю вас! – показал он рукой на стулья, приглашая садиться, и сел сам.

Мила стала рассказывать. Тоня разглядывала бывшего следователя. Игорь Николаевич слушал внимательно: не перебивая, ничего не уточняя. Тоне показалось, что он знает, о чем рассказывает Мила, и слушает ее просто из вежливости. Когда она закончила, он спросил:

– Могу я взглянуть на материал?
– Да. Это только малая часть... – Мила достала из сумки подготовленную папку, в которую она собрала листы из разных дел.

Он бегло их просмотрел.

– Кому это можно предложить? – спросила Мила.
– Дети у вас есть?
– Сын. Школу заканчивает. Я это – ради него!
– Понимаю, – кивнул он. – Но именно ради него советую этого не делать.
– Почему?

Следователь усмехнулся. Миле его усмешка не понравилась, и она прямо спросила:

– Посоветуйте, кому это можно предложить купить?
– Мне показалось, что я уже дал вам единственно правильный совет: не надо этого делать! А предложить?.. Могу – кофе! У нас очень хороший кофе! – улыбнулся он. – Пой-

демте в зал. Угощаю! А если хотите покушать, у нас готовят отличные пельмени!

Важняк встал.

Мила растерянно взглянула на Тоню. Она пожала плечами и тоже встала. Стояли вдвоем и смотрели, как Мила недовольно убирает папку в сумку. Убрав, поднялась, и они вышли из кабинета. Прошли в зал.

Игорь Николаевич усадил их за столик. Отдал распоряжение официанту и, извинившись: «Дела!», ушел, сказав на прощание:

– Заходите! Всегда рад видеть!

– Не получилось с твоим «важняком». Не захотел помочь.

– Он же объяснил, почему не надо этого делать, – заступилась Тоня.

– Надо было его заинтересовать...

– Чем?

– Собой. Тебе надо было улыбаться позагадочней... На что-то намекнуть...

– Мила!

– Ты же обещала помочь...

– Ну да. Но не так же... Ну хорошо, намекну...

Подошел официант с еще более военной выправкой, чем швейцар, принес в тарелках только что сваренные пельмени и по рюмке холодной водки.

– Приятного аппетита!

– За успех! – подняла рюмку Мила. Они чокнулись, вы-

пили и стали есть. Пельмени были действительно отличные. Тоня ела их и думала, как бы избежать улыбки и намека важняку. В голову ничего не приходило.

Есть и пить при такой обслуге было приятно. Казалось, что эти строевые официанты могут и защитить при случае. При каком? Что может здесь случиться? Тоня взглянула на официанта, убирающего посуду, и почему-то вспомнила вчерашний вечер с гостями.

Официант отошел, и она, наклонившись к Миле, прошептала:

– Я знаю, чем важняка заинтересовать!

– Чем? – у Милы загорелись глаза.

– Он у Копытина деньги в долг взял с большими процентами. Надо ему предложить процент от нашей сделки, если он войдет в дело.

– А я сейчас и предложу!

Мила спешно встала, взяла сумку...

Тоня не успела ее удержать.

Вернулась она быстро. Недовольно села за столик.

– Что? Не согласился?

– Швейцар не пустил. Сказал, что шеф уже уехал.

Официант принес кофе в маленьких чашечках.

Кофе был крепкий и горячий.

– Как у них здесь вкусно.

– Вкусно. Да. А вот что дальше? – задумчиво спросила

Мила, допивая кофе.

– Есть еще один человек! – подбодрила ее Тоня, вспомнив про «генерального».

Швейцар помог им одеться. Опять – не услужливо, а вежливо и деликатно. Как кавалер. «Надо ли давать чаевые? Всё-таки, офицер!» – засомневалась Тоня, а рука уже потянулась к сумочке. Швейцар заметил:

– От друзей шефа чаевые не принимаем! – по-военному четко сказал он, поднялся по ступенькам и галантно распахнул перед ними дверь ресторана. Вышел сам, придержал, прощаясь. Казалось, что сейчас отдаст честь.

Ох уж эти военные!

Генеральный...

К генеральному Тоня пошла уже на следующий день. Колледж, в котором теперь начальствовал контр-адмирал расположился в старинном здании с широким балконом, белые каменные балясины которого напоминали крепкие ноги танцовщиц-народниц, стоящих в ряд.

Для своего кабинета Афанасий Сергеевич забрал самую лучшую, просторную комнату на втором этаже. Контр-адмирал в штатском привычно сидел за дубовым столом и что-то писал. Он мог бы сойти за писателя, сочиняющего роман у себя в писательском кабинете, если бы к столу, за которым он сидел, не были приставлены другие – буквой «Т». Старые привычки начальника политотдела просто так не уходят.

Он встал ей навстречу, и они обнялись, как бывшие друзья-однополчане.

Так обнимаются люди, вместе пережившие войну. События, происшедшие в стране, сроднили их.

– Как вам удалось такое здание получить? Я слышала, что даже военный госпиталь отобрали и всех врачей заставили уехать. Такие специалисты были!

– На месте госпиталя собираются музей открыть.

– Музей – хорошо, когда ничего не болит...

– Да, да! Много несправедливости! – согласился бывший

«командир». – А как я остался? Видишь ли, у меня связи, знакомства были. Я был хорошо знаком с людьми, занимавшими высокие посты. Когда чекисты уезжали, они увозили свои архивы. Но мне оставили кое-какие материалы на людей, которые сейчас пришли во власть на место прежних.

– То есть, вы можете опубликовать материалы, которые вам оставили?

– Зачем? Мне достаточно знать, что они знают, что я о них знаю. Что ЭТО у меня есть! Это – моя «охранная грамота»!

– У моей подруги тоже есть кое на кого компромат. Она бы хотела его продать.

– А что у нее?

– Израильское оружие, торговля металлами...

– Не, не продаст, – он помотал головой. – Сейчас это не интересно. Этого не боятся. Все торгуют, воруют...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.